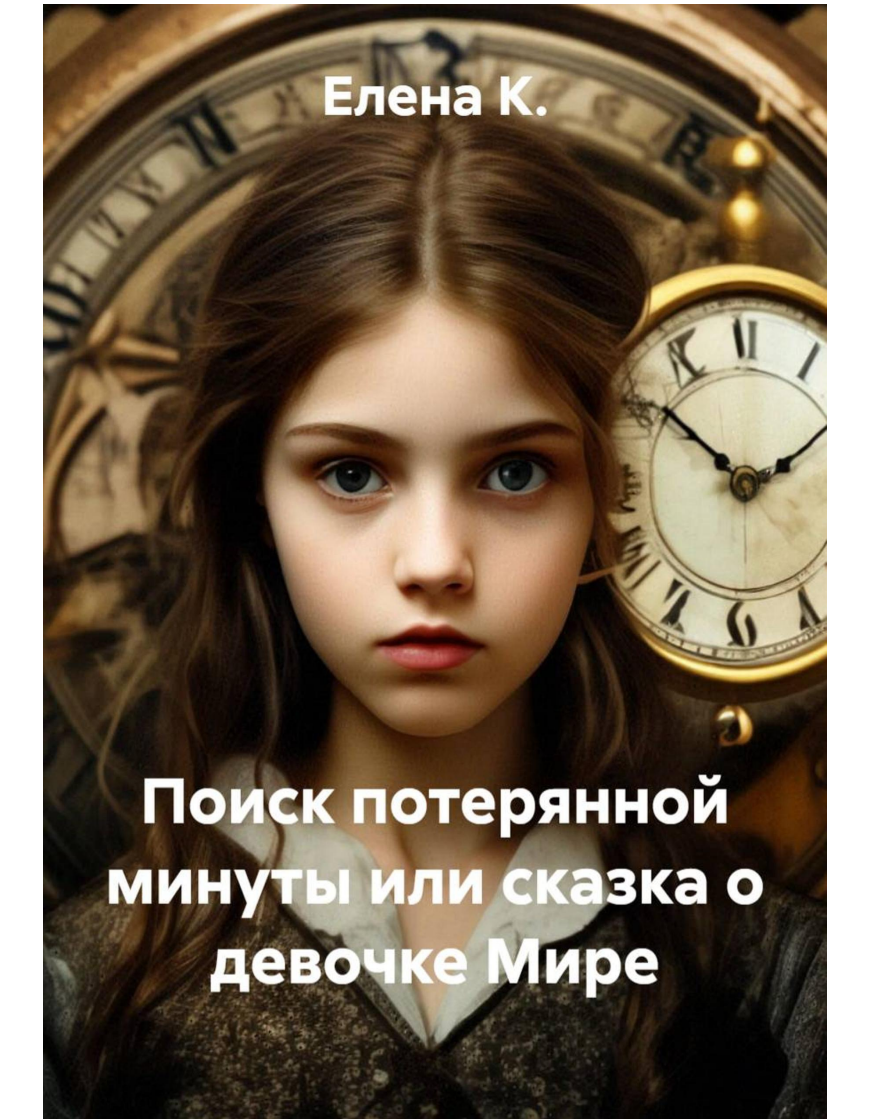

Елена К.

Поиск потерянной
минуты или сказка о
девочке Мире

Елена К.

Поиск потерянной минуты или сказка о девочке Мире

<https://litres.ru/74307778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добрая, неторопливая история о городе, где часы живут своей жизнью, а время умеет обижаться, уставать и радоваться. Главная героиня Мира с детства учится разговаривать со временем: не торопить его, не прятаться от него, а замечать в каждом дне маленькие чудеса. Вместе со старым часовым мастером она находит простые ритуалы, которые помогают часам идти ровно: чашку с ростком у башни, соломенную шляпу в тени, шкатулку для тихих слов, шерстяную ниточку, связывающую людей.

Это книга напоминание: счастье прячется в мелочах, а самое важное — быть здесь и сейчас. Тёплая, уютная проза с ритмом, который хочется слушать, как тихое «тик-так». Подойдёт для семейного чтения, для тех, кто устал спешить, и для всех, кто верит, что даже в самой обычной минуте можно найти чудо.

Содержание

Все Главы	4
Глава 1	4
Глава2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена К.

Поиск потерянной минуты или сказка о девочке Мире

Все Главы

Глава 1

В одном маленьком городке, где крыши домов были покрыты черепицей цвета спелой вишни, а по утрам над улицами стелился туман, похожий на кружевную шаль, жила девочка по имени Мира. Она обожала слушать, как старый часовой мастер на площади рассказывает истории про время: будто оно не просто течёт, а иногда сворачивается в клубок, прячется в щелях, звенит в колокольчиках и даже шепчет в трещинах мостовой.

Однажды Мира заметила, что в её комнате часы стали вести себя странно. Не тикали, а будто вздыхали. А когда она спросила: «Почему ты грустишь?» — маленький маятник качнулся и тихо ответил: «Я потерял одну минуту. Со всем крошечную, но именно она нужна, чтобы сегодня солн-

це взошло вовремя».

Мира не удивилась. В её городе чудеса случались не каждый день, но всегда — по делу. Девочка накинула вязаный платок, сунула в карман кусочек яблочного пирога (на всякий случай, вдруг встретит кого-то голодного) и отправилась искать пропавшую минуту.

Первым на её пути оказался переулок, где жили коты-сторожа. Они знали всё про ночные секреты и любили говорить загадками. Самый старый из них, полосатый Барсик с седыми усами, прищурился и сказал:

— Минута не убегает сама. Её уносит ветер, который дует из чужих сожалений. Если хочешь её вернуть, найди место, где кто-то сказал «Жаль, что я не успел» — и сделай так, чтобы это «не успел» стало «успел».

Мира задумалась. Она вспомнила, что утром соседка, тётя Лида, вздыхала, глядя на клумбу: «Жаль, что не успела посадить астры до дождя». Дождь уже прошёл, земля была тёмной и блестящей, а пакетики с семенами так и лежали на подоконнике.

Не раздумывая, Мира схватила лопатку, которую всегда носила в рюкзаке (она верила, что в городе может понадобиться копать хоть что-нибудь), и принялась сажать астры. Тётя Лида вышла на крыльцо, сначала хотела сказать: «Да ладно, потом посадим», но увидела, как старательно Мира утрамбовывает землю, и вместо этого улыбнулась:

— Знаешь, а ведь ты успела. Прямо вовремя.

И в тот самый миг в воздухе что-то тихо звякнуло — будто крошечный колокольчик прозвенел где-то очень близко. Мира почувствовала, как в кармане что-то дрогнуло, и достала... маленькую серебряную минутку. Она была тёплой, словно только что согрелась от чьего-то доброго дела.

Девочка поспешила домой, вставила минутку обратно в часы — и те сразу затикали ровно, без вздохов. Солнце поднялось точно по расписанию, а туман рассеялся, будто и не было его вовсе.

Но самое удивительное случилось вечером. Когда Мира легла спать, она услышала тихий голос маятника:

— Спасибо. Теперь я знаю: минута — это не просто время. Это то, что мы успеваем отдать другому.

С тех пор в городе стали замечать: если кто-то говорит «Жаль, что не успел», рядом тут же находится тот, кто помогает успеть. И часы тикали спокойно, потому что знали: в этом городе минуты не теряются — они превращаются в добрые дела.

Глава2

На следующее утро Мира проснулась от странного звука — не привычного тиканья часов, а лёгкого хруста, будто кто-то осторожно шагал по рассыпанному сахару. Она приоткрыла глаза и увидела, что на подоконнике сидит крошечная птичка с перьями цвета рассветного неба. Птичка наклонила голову, посмотрела на Миру одним блестящим глазом и тихо пропела:

— Тик... так... тик... так...

Мира села на кровати, не шевелясь, чтобы не спугнуть гостью.

— Ты... из минут? — осторожно спросила она.

Птичка кивнула и уронила с клюва крошечную серебряную чешуйку — та звякнула, ударившись о подоконник, и тут же превратилась в маленькую минутную стрелку.

— Что-то опять не так? — прошептала Мира.

Птичка снова пропела: «Тик... так...» — и взмахнула крыльями. За ней потянулась тонкая серебристая ниточка, похожая на след от падающей звезды.

Мира накинула свой любимый вязаный платок, сунула в карман ещё один кусочек яблочного пирога (на всякий случай) и пошла следом за ниточкой. Та вела её не по улицам, а вдоль невидимой границы между обычным и чудесным: там,

где тень от фонаря ложилась чуть криво, а воздух пах не пылью и булочками, а сухими травами и старыми письмами.

Ниточка привела её к заброшенной мастерской на краю города. Дверь была приоткрыта, а внутри пахло лаком, деревом и временем. За верстаком сидел старый часовой мастер — тот самый, что рассказывал истории на площади. Только сейчас он выглядел усталым, будто из него понемногу вытекали слова, как песок из треснувшего песочных часов.

— А, Мира, — тихо сказал он, не поднимая головы. — Я знал, что ты придёшь.

— Что случилось? — спросила Мира. — Почему тут всё... замирает?

Мастер вздохнул и постучал пальцем по крышке старинных напольных часов. Те молчали. Совсем.

— Время здесь не теряется, — сказал он. — Оно устаёт. Эти часы хранят время всего переулка. И если они остановятся, даже на минуту, люди начнут забывать, куда торопились, зачем спешили, что хотели успеть. Сначала это будет казаться мелочью: кто-то забудет купить хлеб, кто-то не заметит, как пролил молоко. Но потом начнут исчезать важные вещи: обещания, встречи, воспоминания о том, как кто-то кого-то любил.

Мира посмотрела на часы. Их стрелки застыли, будто вцепились друг в друга и не хотели двигаться дальше.

— А как их завести? — спросила она. — У вас же есть ключ?

Мастер покачал головой:

— Ключ тут не поможет. Эти часы заводятся не металлом, а делами. Каждой минуте нужна причина идти дальше. Кто-то должен успеть что-то важное — не для себя, а для другого. Тогда время снова начнёт течь.

Мира задумалась. Она вспомнила, как вчера помогла тётке Лиде посадить астры, и как звякнула тогда серебряная минутка. Может, и тут нужно было просто успеть сделать что-то нужное?

Она огляделась по мастерской. На полке стояла маленькая деревянная шкатулка с треснувшей крышкой. Мира подняла её, провела пальцем по трещинам и вдруг поняла: это была шкатулка для писем, которую тётя Лида хотела починить, да всё руки не доходили. А в углу валялся моток золотистых ниток и кусочек воска — как раз то, что нужно, чтобы стянуть крышку и запечатать шов.

Не раздумывая, Мира села на старый табурет, взяла шкатулку и принялась чинить. Она аккуратно стягивала треснувшие стороны ниткой, шептала: «Ну, пожалуйста, пусть получится», и капала воском, чтобы шов держался крепко.

И в тот момент, когда она прижала последнюю щепку и сказала: «Готово!», часы в углу тихо вздохнули — и снова затикали. Сначала неуверенно, будто пробуя голос, а потом всё громче и ровнее, как будто радовались, что их не забыли.

Старый мастер поднял голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на свет.

— Спасибо, Мира, — сказал он. — Ты не просто починила шкатулку. Ты вернула минуту, которая боялась, что её никто не ждёт.

А птичка с перьями рассветного неба села на край часов, пропела «тик-так» и взмахнула крыльями, рассыпав вокруг себя крошечные серебряные искры.

С того дня Мира стала замечать, что время в городе будто стало внимательнее к людям. Если кто-то вздыхал: «Эх, не успел...», рядом тут же появлялась маленькая подсказка — то нитка, то гвоздик, то забытый в кармане карандаш, — и дело вдруг делалось. А часы на площади тикали ровно, потому что знали: в этом городе минуты не теряются, а становятся маленькими добрыми делами, которые кто-то успевает сделать для другого.

И если ты когда-нибудь окажешься в этом городке и услышишь, как часы тихо вздыхают — знай: это они ждут, когда кто-нибудь снова успеет сделать что-то важное.

Глава 3

Осень в городке подкралась незаметно — не с громом и ливнями, а тихо, будто кто-то накинул на крыши серый вязаный платок. Листья на деревьях стали золотыми, но падали редко: казалось, они держатся из вежливости, чтобы не торопить время. А часы на площади вдруг начали вести себя странно — не останавливались, но тикали будто вразнобой: одни спешили, другие отставали, а третьи и вовсе замирали на несколько секунд, словно прислушивались к чему-то.

Мира сразу это заметила. Она шла мимо площади, неся в корзинке тёплую булочку для Барсика — коты-сторожа осенью становились особенно ворчливыми и требовали уважения в виде свежей выпечки. И вдруг услышала: тик... пауза... так... тик... и снова тишина. Будто часы спотыкались о собственные стрелки.

— Опять что-то не так, — пробормотала Мира, и птичка с перьями цвета рассветного неба, которая теперь частенько сидела у неё на плече, согласно кивнула.

Старый часовой мастер стоял у края площади и смотрел на часы так, будто пытался прочесть в них письмо, написанное дрожащей рукой.

— Они не ломаются, — сказал он, когда Мира подошла ближе. — Они... ссорятся.

— Часы ссорятся? — удивилась Мира.

Мастер кивнул.

— Видишь ли, время — оно как разговор. Если все говорят разом, перебивают друг друга, ничего не слышно. А если никто не хочет говорить первым — становится слишком тихо. Эти часы привыкли идти в унисон, но теперь каждый механизм тянет одеяло на себя: одни хотят спешить, потому что боятся опоздать к чему-то важному, другие замедляют, чтобы ничего не пропустить. И получается не время, а путаница.

Мира посмотрела на часы: большие стрелки будто упирались друг в друга, а маленькие дрожали, как будто хотели что-то сказать, но стеснялись.

— А как их помирить? — спросила она.

— Нужно найти то, что они все хотят успеть сделать, — ответил мастер. — Не для себя, а для города. Тогда они вспомнят, что идут не поодиночке, а вместе.

Мира задумалась. Она знала, что сегодня в городке должно было случиться кое-что важное: тётя Лида собиралась устроить маленький праздник — не день рождения и не юбилей, а просто «день тёплых слов». Она хотела, чтобы каждый житель написал на бумажке что-то хорошее про другого человека и положил в большую корзину у фонтана. Но утром тётя Лида грустно сказала, что, наверное, ничего не выйдет: «Кто будет писать записки, если все спешат и не замечают друг друга?»

И тут Мира поняла.

— Надо, чтобы они успели услышать друг друга, — прошептала она. — Чтобы никто не перебивал, но и не молчал.

Она побежала к дому тёти Лиды, птичка летела рядом, рассыпая по воздуху крошечные серебряные искры.

— Тётя Лида! — крикнула Мира, вбегая в кухню, где пахло корицей и яблоками. — Давайте сделаем праздник прямо сейчас! И пусть каждый скажет только одно слово — но так, чтобы его слышали. А часы... пусть будут дирижёрами.

Тётя Лида сначала хотела возразить, но увидела горящие глаза Мира и улыбнулась:

— Ладно. Только быстро. Пока пирог не остыл.

Через полчаса на площади собралась почти вся улица. Кто-то принёс чашку горячего чая, кто-то — вязаный шарф, кто-то просто пришёл постоять и послушать. А Мира встала рядом с часами и подняла руку.

— Сейчас будет тихо, — сказала она. — И мы все скажем по одному слову. Не громко, не торопясь. И пусть часы помогут нам не перебивать друг друга.

Птичка села на самый верх часов, расправила крылья — и часы вдруг замерли на секунду, будто затаили дыхание.

Первым заговорил старый Барсик — точнее, промяукал что-то очень важное, и все засмеялись, но не над ним, а вместе с ним. Потом тётя Лида сказала: «Спасибо». Потом мальчик с соседней улицы прошептал: «Прости». А девочка, которая всегда молчала, вдруг сказала: «Я здесь».

Каждое слово падало в тишину, как камешек в спокойную воду — и от него шли круги. И часы, будто прислушиваясь к этим кругам, начали тикать снова — но теперь не вразнобой, а ровно, как будто нашли общий ритм. Сначала медленно, потом чуть быстрее, но уже вместе.

Когда последнее слово прозвучало, птичка пропела: «Тик-так», и часы зазвенели, будто смеялись от облегчения.

Старый мастер улыбнулся и сказал:

— Вот видишь, Мира. Время не любит одиночества. Ему нужно, чтобы кто-то его замечал, кому-то оно было нужно. А когда люди говорят друг с другом — даже одним словом — время становится общим.

С того дня часы на площади больше не ссорились. Иногда они чуть замедлялись, если кто-то хотел подольше посидеть на скамейке и посмотреть на звёзды, или чуть ускорялись, если надо было успеть до дождя накрыть цветы. Но главное — они снова шли в унисон, потому что знали: в этом городе время не просто течёт, а живёт вместе с людьми.

А Мира по вечерам слушала, как часы тикают за стеной, и улыбалась. Ведь теперь она точно знала: чтобы время не терялось, достаточно просто успеть сказать кому-то что-то важное. Хоть одно слово. Главное — чтобы его услышали.

Глава 4

Зима пришла в городок так тихо, что её заметили только по тому, как изменился воздух: он стал звонким, будто в нём висели крошечные ледяные колокольчики. Площадь покрылась тонким слоем снега, и даже часы на башне словно укутались в иней — их стрелки будто стали чуть медленнее, осторожнее, будто боялись хрустнуть, как тонкая корка льда на луже.

Мира теперь носила толстый шарф, который тётя Лида связала специально для неё: с узорами в виде часовых стрелок и маленьких птичек. А на плече у Миры по-прежнему сидела её спутница — птичка с перьями цвета рассветного неба. В мороз она прижималась поближе, и от её крошечного тельца шло удивительное тепло, будто внутри у неё тикал свой собственный, очень уютный механизм.

Однажды утром Мира проснулась от того, что часы в её комнате не тикали. Совсем. Не вздыхали, не спорили, не спешили — просто молчали. Девочка села на кровати, прислушалась к тишине — и вдруг поняла: не слышно не только её часов. Не слышно вообще никаких часов в городе. Ни на площади, ни у булочной, ни в мастерской старого мастера. Город замер в странной, тяжёлой тишине, где даже скрип

снега под сапогами казался слишком громким.

Мира накинула шарф, сунула в карман тёплый пряник (на всякий случай) и выбежала на улицу. Снег лежал нетронутый, без следов, будто ночь стёрла все дорожки. На площади стоял старый часовой мастер, подняв голову к башне, и лицо у него было такое, будто он прислушивался к чему-то, чего никто другой не мог услышать.

— Они не сломались, — тихо сказал он, когда Мира подошла. — Они... уснули.

— Как это — уснули? — не поняла Мира.

Мастер вздохнул, и его дыхание превратилось в маленькое белое облако.

— Время устаёт, когда его не замечают. Когда все прячутся по домам, кутаются в одеяла и думают только о том, как бы не замёрзнуть, время остаётся снаружи. Оно садится на край крыши, смотрит на пустые улицы и тихо грустит. А потом засыпает. И пока оно спит, ничего не происходит: ни рассвета, ни чая, ни разговоров. Даже снег перестаёт падать — он просто висит в воздухе, не зная, куда ему приземлиться.

Мира огляделась. И правда: снежинки висели неподвижно, будто кто-то нажал паузу. Даже дым из труб не поднимался вверх, а застыл серыми клубами, похожими на забытые мысли.

— Но как его разбудить? — спросила Мира. — Ведь если время спит, рассвет не придёт...

— Его будит не шум, — ответил мастер. — Его будит за-

бота. Маленькое, тихое «я о тебе помню». Чашка чая, поставленная на подоконник для того, кто возвращается поздно. Свечка, зажжённая у окна, чтобы кто-то не заблудился в темноте. Слово, сказанное не для всех, а для одного-единственного человека.

Мира вдруг вспомнила: сегодня ведь день, когда почтальон дядя Коля должен был привезти письмо из далёкого города — для тёти Лиды. Она ждала его уже несколько недель, всё поглядывала на дорогу, улыбалась и тут же вздыхала, будто боялась поверить, что письмо всё-таки придёт. А сегодня из-за мороза почту могли и вовсе не привезти.

— Надо, чтобы она знала: о ней помнят, — прошептала Мира. — Даже если письма нет.

Она побежала к дому тёти Лиды, птичка летела рядом, оставляя в воздухе тонкие серебристые следы, похожие на нити пара.

Тётя Лида сидела у окна, смотрела на пустую дорогу и тихонько напевала что-то себе под нос, чтобы не чувствовать эту особенную зимнюю тишину. Когда Мира вбежала, раскрасневшаяся, с пушистыми от инея ресницами, тётя Лида улыбнулась:

— А я думала, ты сегодня не выйдешь — мороз такой, что даже часы замерзают.

— Вот именно! — выдохнула Мира. — Поэтому я и пришла. Чтобы ты знала: даже если письма сегодня не будет, я о тебе помню. И все помнят. И время... оно тоже помнит.

Тётя Лида на секунду замерла, а потом вдруг встала, достала из шкафа старую жестяную коробку, в которой хранились открытки, письма и засушенные цветы, и вытащила оттуда маленький конверт.

— Знаешь, — сказала она, — я сама себе когда-то написала письмо. Просто чтобы в самый холодный день прочитать и вспомнить: я не одна. Хочешь, мы его прочитаем вместе?

Мира кивнула, и они сели у печки, развернули пожелтевший листок. Там было написано совсем просто: «Сегодня я сделала три хороших дела: напоила кота, испекла пирог и сказала соседу доброе слово. Значит, день удался».

И в тот самый миг, когда тётя Лида дочитала эти слова, где-то далеко, будто из-под снега, тихо звякнул колокольчик. Потом ещё один. И ещё. И вдруг часы на площади вздохнули — и снова затикали. Сначала неуверенно, будто пробуя голос, а потом всё громче и ровнее, как будто радовались, что их не забыли.

Снежинки снова поплыли вниз, дым потянулся к небу, а солнце, которое уже собиралось выглянуть из-за горизонта, наконец решилось и пролило на город первые тёплые лучи.

Старый часовой мастер, стоявший у окна мастерской, улыбнулся и тихо сказал:

— Видишь, Мира? Время не любит быть лишним. Но оно очень любит, когда его замечают. Даже маленьким, тихим «я о тебе помню».

Птичка села на край подоконника, пропела «тик-так» и

распушила перья, будто отряхиваясь от зимней тишины.

С того дня в городке появилась новая традиция: в самые длинные зимние вечера, когда казалось, что время тянется бесконечно, люди оставляли на подоконниках маленькие знаки — свечку, чашку чая, записку с добрым словом. И часы тикали ровно, потому что знали: в этом городе время не просто отсчитывает секунды, а живёт в заботах, в тихих словах, в тепле, которое люди дарят друг другу.

А Мира, засыпая, слушала, как часы за стеной отсчитывают минуты, и улыбалась. Потому что теперь она точно знала: чтобы время шло, достаточно просто помнить друг о друге. Даже в самый тихий, самый снежный вечер.

Глава 5

Весна пришла в городок не с первым ручьём и даже не с первой проталиной, а с тем особенным запахом — когда воздух вдруг становится тёплым и пахнет не дымом и снегом, а мокрой землёй и обещанием чего-то нового. На площади снег оседал, превращаясь в рыхлые серые кучи, а часы на башне будто встряхнулись, как кот, который долго сидел на холоде, и теперь хотел наверстать упущенное: тикали чуть быстрее, чем обычно, будто торопились рассказать всем, что весна всё-таки пришла.

Мира теперь ходила без толстого шарфа, но всё равно носила его в рюкзаке — на всякий случай. Птичка с перьями цвета рассветного неба уже не прижималась к плечу, а всё время порывалась взлететь повыше, покружиться над крышами и вернуться с какой-нибудь новостью: то с пёрышком, то с крошечной веточкой, то с каплей талой воды, сверкавшей, как маленькая жемчужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.